

Работал в кабинете Союза писателей с материалами для очередного номера «Вертикали. XXI век»: формировал содержание, убирал из него лишние рубрики. Дошёл до раздела «Утраты». Подумал недолго... и с душным облегчением удалил: «Ну хоть в этот раз не придётся ни с кем прощаться».

А в вечерних новостях услышал — умер Валентин Курбатов. Валентину Яковлевичу шёл 82 год. Но ум его, не старея, был свободен, красив, ярк.

Он ушёл внезапно.

Мы несколько раз с критиком встречались (в Москве, Пскове), были в переписке. Довольно долгий период, несколько лет, Курбатов публиковал свои статьи в каждом номере «Вертикали». Рубрика «Надо перечитать» была его именной. Затем это творческое сотрудничество утихло... да и совсем оборвалось.

С благодарностью вспоминаю о присланных Валентином Яковлевичем книгах (ведь это тоже надо было позаботиться, потрудиться, пойти на почту, отправить) с хорошими дарственными надписями. Все их я прочитал.

Теперь вот надо писать прощальное слово, готовить для печати нашу переписку.

Знакомство наше произошло по моей инициативе. Прочитав очередную статью Курбатова (кажется, в газете «Завтра») я нашёл в старом справочнике Союза писателей СССР псковский адрес Валентина Яковлевича и написал ему письмо. Он откликнулся. Так началась наша переписка.

Разыскал папочку с принтерными распечатками писем от Курбатова, затем рабочие блокноты с черновиками своих писем и сложилась картина творческих взаимоотношений двух людей, любящих отечественную литературу, переживающих за её будущее. Во всяком случае — так мне кажется.

Интонация живого голоса прорывается сквозь строчки компьютерного шрифта. Переписка наша шла по электронной почте. У меня самого компьютера не было, но девушка из геологического отдела (редакция журнала тогда находилась в офисном помещении руководства предприятия «Волгагеология») поступавшие на моё имя письма распечатывала и, сохранив, передавала мне. Ответы на них я писал в большом блокноте. Когда компьютер оказывался свободен, садился за него и отвечал на несколько посланий сразу. Благодаря этому большая часть нашей переписки сохранилась в редакционном архиве. Неожиданно для себя обнаружил, что таких посланий довольно много.

В письмах нет ничего бытового. Разговор в них только о литературе, о литературном труде. Валентин Яковлевич, как мне казалось, был немного расположен к нашему журналу. Потому позволял себе шутить. Я ему подыгрывал, принимая условия Курбатова.

Например, как вот в этом случае, когда поступила от него такая шутливая весточка.

(Вытирает ноги у порога и робко стучась.):

Разрешите, Валерий Викторович?

Это Курбатов. Простите, наследил тут у Вас — что поделаешь, осень.

(Шарит в грудном кармане, достает смятые листки.):

Вот, значит, чё-то тут сочинил. Будет минута — поглядите: не сгодится ли хоть на растопку.

(Стараясь, не оборачиваясь спиной, уходит.)

До свидания.

P.S. Недавно был в Ясной, читал страничку “Войны и мира” и увидел у одного из товарищей смешной плакат — грех не поделиться.

25 ноября 2015 г.

Я принял «условия» письма и ответил своим в том же духе. Да и написал ответ как-то легко, сразу, словно заранее был приготовлен в укромных уголках моей памяти:

Всё это время редактор молча сидит за заваленным рукописями письменным столом и что-то внимательно читает на мониторе компьютера. Из окна — старинного, высокого, аркой в толстенной стене, подоконник которого также завален папками с рукописями — просачивается в кабинет серый осенний свет. Но в кабинете уютно, тепло, горят яркие лампочки под высоким потолком, на стенах висят иконы, портреты писателей, картины, фотографии, и посетителю не очень хочется вот так сразу, не отогревшись, не просушив с непогоды своего длинного чёрного френча, уходить опять под ветер и дождь. Он как бы невольно, случайно замешкался у двери, нашаривая рукой куда-то подевавшуюся дверную ручку.

В это время редактор отрывает свой взгляд от монитора, и несколько прищурившись, словно настраивая зрение на иной ракурс, иную резкость, взгляделся в посетителя.

— Валентин Яковлевич! — восклицает он, узнав посетителя, — вы ли это? Вот не ждали. Вернее — ждали-ждали, да уж отчаялись, потому и номер в производство сдали без вашего материала. Хотя рубрику авторскую «Пора перечитывать» так за вами и числим, никого в неё не пускаем... Да что же вы стоите, присаживайтесь на диван... вот так, поудобнее. Сейчас нас Татьяна чаем напоит.

Редактор кричит в соседний кабинет:

— Танечка, давайте чаю дорогому гостю.

Входит Татьяна — добрейший, Божий человек. Вся жизнь её — это желание кому-то помочь, услужить и послужить.

И вот чай, печенье, сладости на столе. И потекла тут беседа между редактором и критиком неторопливая, неспешная. Редактор всё о новых рукописях им прочитанных, да о том — сколько замечательных, умных, неравнодушных писателей ещё творят на русской земле, которых мало кто знает, вернее даже — не хотят знать. Курбатов о новых влияниях в русской литературе, модных течениях в ней, когда косноязычие и отсутствие умения выстроить сюжет произведения выдаются за новый творческий метод, а провозглашение избитых банальностей и штампов — за открытие.

Время проходит быстро. Вот уж Курбатову пора уходить. Его ждут сразу в нескольких комиссиях по присуждению литературных премий, а ещё съёмки для телевидения, выступления перед читателями — ну нет и минуточки свободной. И хоть зашёл он в кабинет редакторский вроде бы обыкновенным посетителем, но дух-то у него бунтарский, неспокойный, категоричный. Редактор это знает, и гостя удерживать не рискует. Лишь когда дверь за Валентином Яковлевичем закрывается, вздыхает, вспомнив, как летом зачитывался его книгой «Батюшки мои», как в один день более двух часов в лесу на окраине дачного посёлка читал её вслух для своего товарища, а тот всё просил продолжать да продолжать.

— Валерий Викторович, мне убрать посуду? — робко спросила заглянувшая в кабинет Татьяна.

— Рождает же русская земля таланты — не нам чета, — со вздохом промолвил редактор, глядя на только что закрывшуюся дверь. Затем вернулся за свой рабочий стол и, молча, углубился в чтение принесённой рукописи.

У дивана, осторожно звякая чашками, Татьяна убирала посуду с небольшого журнального столика.

26 ноября 2015 г.

Ответ мой Валентину Яковлевичу пришёлся по душе. На следующий день он откликнулся вновь «шутейной» репликой. Хотя и закончил письмо грустно — как это принято у нас, русских людей. Веселье и печаль у нас всё рядом, всё бок обок.

— Уберите, уберите посуду, Таня, и в другой час, как этот господин придет, не предлагайте, а то ведь он повадится. Они, эти ребята, только с виду такие скромные (наследил, де, простите), а потом не прогонишь...

Спасибо, дорогой Валерий Викторович! За включение в игру, за живое в душе озорство, хотя мир, увы, дает все меньше поводов к любящей игре. А так бы, правда, и славно было завернуть в уютный кабинет с высокими окнами. В Пскове мне уже заглянуть некуда.

Да и в других городах — тоже. Всегда в жизни больше привязывался к старым людям — вот теперь и плачу. Они ушли один за другим. Некоторые стали улицами, некоторые мемориальными досками, кто-то даже памятником, а двое и пароходами.

И не навецают даже в снах. Видать, им Там друг с другом хорошо. И не поглядят сверху — как мы тут.

Благодарю и обнимаю Вас.

Ваш В.Курбатов

27 ноября 2015 г.

Не выдержал я и тоже душу излил. Всё больное из неё выплеснул — знал, что этому человеку могу сказать, доверить.

Дорогой Валентин Яковлевич!

Жаль, что Ваши дороги никак не пересекаются с Нижним Новгородом. А то бы и посидели у меня, совсем недалеко от кремлёвских стен и почти на берегу Волги. Да ведь не только у Вас, а и вообще мало у кого пересекаются. Вроде бы и не далеко стоит город от столицы, но все пути мимо проходят. Тут беда наших начальников — и от культуры, и от администрации в целом. Как там раньше говорили — страшно далеки они от народа. Наши же ещё страшнее далеки от культуры.

Вы написали, что всегда дружили со старыми людьми. Вот и у меня такая же судьба. И также в окружении остаётся всё меньше и меньше талантливых, сочувствующих, бескорыстных людей. Оглядываюсь вокруг, и диву даюсь, как всё измельчало, оскудело в людях. А потом окорачиваю себя — да нет, это просто время твоё проходит. Но ведь это один разум отрезвляет, а сердце непослушно щемит, тоскует по талантности, открытости, по тем, с кем так славно было жить рядом (да просто знать, что они где-то есть), встречаться, выпивать, обсуждать главное, говорить о театре, литературе, живописи...

Потому и сейчас тянусь к вольно думающим людям. Не сразу это, с запозданием, осознаю, но Бог не оставляет, соединяет людей.

Обнимаю Вас крепко, по-братски, искренне.

Ваш Валерий Сдобняков

29 ноября 2015 г.

Закончить прощальное слово с Валентином Яковлевичем Курбатовым хочу его последним письмом ко мне. Оно выглядит символичным и воистину прощальным.

Еще “молчит всяка плоть человека”, но “ангелы уже поют на небеси”, призывая нас к чистоте сердца, и по двору Дивеева, по канавке Богородицы идет с батожком, сам похожий на батожок, светлый Серафим и улыбается: “Христос Воскресе, радость моя!”, потому что для него камень-то отвален от гроба еще тогда и навсегда. И навсегда “Его нет здесь, Он воскрес!”

Ах, если бы мы, бедное человечество, однажды поверили так, то камня-то и не было бы и мы бы светали лицами и никогда бы из Дивеева не делали “Арзамаса-16”.

И на наши лопатки вернулись бы отпавшие крылья и мы бы только успевали обниматься и благодарить жизнь.

Но, слава Богу, бескрылые еще можем похристосоваться и опять на минуту поверить в бессмертие.

Новости лучше не глядеть — вот и тема военная.

Христос Воскресе, дорогой Валерий Викторович!

Ваш Валентин Курбатов

15 апреля 2017 г.

На фотографии: Валентин Курбатов и Валерий Сдобняков в Михайловском на Пушкинском празднике.

ПЕРЕПИСКА С В.Я. КУРБАТОВЫМ

Глубокоуважаемый Валентин Яковлевич!

Осмелился Вас потревожить присылкой журналов лишь потому, что уже несколько месяцев не даёт мне покоя Ваша статья «Вёрсты полосаты...» Потрясающе продуманная, выверенная статья. Я и сам на эти темы много раз думал. И вот решил написать Вам и попросить разрешения перепечатать её в нашем журнале.

Собственно, для ознакомления с ним и высылаю несколько номеров. Может быть, найдёте время, полистаете, составите о нашем издании представление.

К сожалению, журнал безгонорарный. Но публикация статьи всё-таки позволит дополнительному кругу читателей познакомиться с Вашими мыслями. А это важно.

Если сочтёте возможным дать нам статью для публикации, то наш адрес:.....

В этом году, в январе (юбилейный вечер проводим 28 февраля) нам исполнилось 10 лет. Всё-таки срок, особенно по нынешним временам.

И ещё, Валентин Яковлевич, может быть, подскажите — как раздобыть Вашу книгу, где опубликована переписка с Виктором Петровичем Астафьевым. Один раз в редакции «Литературной газеты» даже держал её в руках, да Саша Яковлев ни за что не отдал. Ну, да это попутно.

Видел передачу по «Культуре» о Георгие Семёнове с Вашим участием. Да, художник был от Бога.

Всяческих Вам благ, творчества и здоровья.

С искренним уважением

Валерий Сдобняков

21 января 2011 г.

Дорогой Валерий Викторович!

Конечно, конечно, я был бы очень рад публикации своих «Вёрст» в Вашем журнале. Я видел его прежде — присылал отец Владимир Чугунов.

Интонация выбрана очень хорошо — не бегать за временем, а держать русского человека в спокойном достоинстве и по возможности «дома», в родной истории.

К сожалению, не могу послать Вам свой «Крест бесконечный» — переписку с Астафьевым — нет у меня свободного экземпляра. Но наде-

юсь, что вот-вот придёт том переписки Виктора Петровича со всеми его корреспондентами по России за все годы его жизни. Обещали прислать издатели. Вот уж тогда поделюсь.

Сейчас посмотрю, если есть в компьютере текст «Вёрст» — перешлю, чтобы Вам не набирать.

С благодарностью Ваш В.Курбатов
1 февраля 2011 г.

Дорогой Валентин Яковлевич!

Спасибо за статью! Всё получили. Ставим в ближайший (юбилейный) номер.

Пусть будет украшением журнала.

Книгу переписки Виктора Петровича со всеми его корреспондентами буду ждать с тем терпением, какое только Бог пошлёт. Хотя, я думаю, всю переписку этого великого художника одна книга в себя не вместит. Я как-то на эту тему разговаривал с Виктором Фёдоровичем Потаниным, и он мне сказал, что только у него хранятся сотни писем от Астафьева. Ему предлагали их опубликовать, но он отказался: «Там слишком много чего сказано о ныне живущих». Не скрою, помянул Потанин тогда и Вашу книгу (без осуждения). А я ему привёл в пример Ваше высказывание о том (по смыслу), что письма должны читать те люди, которые жили с писателем в одно время, в одной обстановке. Иначе не понять многого из того, о чём идёт спор, не понять эмоций, что владели автором, когда он писал письма. Как-то так Вы высказались (за точность не ручаюсь) в одном интервью (или статье?). И мне кажется, что это совершенно правильно.

Как уже сообщал — 28 февраля мы отмечаем 10-летие «Вертикали». В юбилейном номере хотим опубликовать поздравления журнала. Может быть, и Вы напишите несколько слов?

С самыми добрыми чувствами и пожеланиями.

Ваш Валерий Сдобняков.

7 февраля 2011 г.

Простите, дорогой Валерий Викторович!

Пока не написал слов поздравления. У нас тут идёт очередной Пушкинский театральный фестиваль, и я занят целыми днями то спектаклями, то умничаньем. Ни минуты покоя.

Но, перебирая для фестиваля электронные «бумаги», нашёл вот своё два года назад написанное сочинение, которое так нигде и не напечатал, несмотря на его бесхитрость.

Посмотрите, в чём тут загадка.

Ваш В.Курбатов

9 февраля 2011 г.

Дорогие коллеги!

Лучше бы братья и сестры! Да ещё не воскресло наше уставшее за годы духовных поражений сердце.

Но, слава Богу, ваш журнал выпрямляет душу и уже самим именем напоминает, что горизонтальные пути развития истощились. Что и нам пора, как Андрей Болконский на Аустерлицком поле, увидеть над собой бесконечное небо и понять, что на эту небесную дорогу, на этот «вертикальный путь» исторического движения, мы едва вступаем. Но ведь вступаем, вступаем!

И спасибо вам, что вы заставляете русского человека держать спину прямо и не забывать о Божьем призыве.

Валентин Курбатов,

писатель, член Общественной палаты РФ

9 февраля 2011 г.

Прочитал Ваш очерк сразу — не отрываясь и с душевным наслаждением. И не потому, что он сверх всякой похвалы хорош с литературной точки зрения, но и очень интересен именно той постановкой вопросов, что столь остро обозначили Вы в нём.

Поверьте, в моих словах нет какого-то «презренного» желания угодить автору. (Да и не нуждаетесь Вы в этом.) Нет. Но именно из-за поставленных вопросов я и не смог Вам сразу ответить. Надо было как-то собраться с мыслями.

Обращусь к Вашему первому вопросу (или утверждению?): «Правда, сегодня Шолохов для нас уже будто и дальше Толстого... Словно он и писал не живого страдающего человека..., а исторический тип, который обречён уходить вместе с историей».

А ведь тут действительно кроется какая-то большая загадка. Помню, что когда изучали в школе творчество Шолохова, то и тогда персонажи его книг мне казались какими-то... былинными. А ведь ещё был жив сам писатель, и герои им созданные были, что называется, из плоти и крови. И жизнь, описанная Михаилом Александровичем, потрясала именно из-за того, что всё в ней (в человеческих страданиях, переживаниях, поступках) было правдой. И окружающий их мир был явен, зрим, осязаем. Тогда почему же возникало у читателей ощущение такой удалённости происходящего на страницах книг от современной жизни?

Я произведения Шолохова изучал в школе в начале 70-х годов прошлого века. Но вот о чём подумал сейчас. Не помню где прочитал (уж не в той ли самой книге «Об отце»), но как-то М.А. Шолохов в разговоре с сыном, когда тот отозвался о гражданской войне, как о чём-то далёком, сделал ему такое замечание: «Ты думаешь, гражданская война закончилась? Она продолжается». И вот не в этом ли загадка и нашего восприятия шолоховских книг. Всё никак не уйдём от них на такое расстояние, чтобы спокойно, отстранённо взглянуть и на героев, созданных писателем, и на происходящие в романах события.

Понимаю, в моих рассуждениях есть некоторая (на взгляд постороннего человека и явные) противоречия. Но вспомните, разве то, что происходило с нами в детстве и молодости не воспринимается нами, как нечто невысказанно далёкое во времени, хотя минуло всего-то несколько десятков лет. Но, с одной стороны (особенно, если был не прав в поступке — совесть не даёт успокоения), с другой полное ощущение, что происходило это в какой-то далёкой, невообразимо далёкой жизни.

Но это частное восприятие.

Если же говорить об общественном восприятии, то тут, как мне кажется, срабатывали те же механизмы. Грубо говоря, через какие-то общественные поддачи (в школе, в критических статьях, в телевизионных передачах) в нас тихонечко пытались внедрить (и внедрили) что да, это всё, конечно, происходило в какой-то России, но уже так далеко, что мы в СССР это уже слабо помним. Если бы «Тихий Дон» не был бы гениальным произведением, то, может быть, и вовсе тот период нашей истории теперь нами был бы почти позабыт, как период именно человеческой жизни. Остались бы только бесплотные исторические факты, безжалостно перевёрнутые и извращённые.

Вывод:

Проза Шолохова жгуче исторична и потому не угодна любому режиму.

Психология людей невольно (на подсознании) пытается из чувства самосохранения отгородиться от неё, помня, что «есть у революции начало, нет у революции конца».

Мы этому, почти столетнему периоду жизни России, продолжающиеся свидетели.

Вообще же о некоторой «курьёзности» исторического восприятия действительности и Вы очень точно в очерке заметили: «Ширина реки дер-

житься не берегами, а дыханием истории...». Один из моих товарищей писатель, приехав из Вёшенской, поделился со мной впечатлениями о Доне: «Я его представлял большой рекой, а это, по сравнению с Волгой, просто ручеёк».

Теперь об отношении Астафьева к «Поднятой целине». Больная тема. И в случающихся спорах по поводу коллективизации я чаще всего остаюсь со своими выводами в одиночестве. Вот и Вы верно с моей точкой зрения не согласитесь. Но был ли тогда иной выход сохранения государства. Ведь как-то же надо было выбираться из той жуткой после-революционной разрухи, из того разброда и шатания, из криминала и бандитизма, из страшного стяжательства тех, кто что-то мог урвать (какая проекция на сегодняшнюю нашу жизнь!). Был ли фактически ещё какой-то выход из сложившейся ситуации?

Я довольно глубоко изучал эту проблему, ознакомился со многими, именно правительственными, документами и пришёл к выводу, что того ужаса, который случился при раскулачивании, никто специально не планировал. Его не должно было быть. Но он был! И вот тут надо разобраться, кто виноват, зачем и почему.

И опять — ведь была правда как с той, так и с другой стороны.

Я не поленился, достал со стеллажа книгу Михаила Мих. Шолохова «Об отце» (уже на самой верхней полке была, под потолком), перечитал, как Вы и советуете, главу «О культе». Точно, на 142 странице Шолохов говорит: «Когда там по вашим учебникам гражданская закончилась? В двадцатом? Нет, милый мой, она и сейчас ещё идёт. Средства только иные. И не думай, что скоро кончится».

Виктор Петрович всегда был резок в своих суждениях. Уж такой характер, такой темперамент. Мы в «Вертикали» (№ 29 за 2009 г.) напечатали воспоминания о нём редактора издательства «Советский писатель» Владимира Стеценко «Скажи ему, что так писать нельзя...» о том, как он ездил к Астафьеву в Красноярск. Интересная получилась публикация, хотя и вызвала споры, несогласия.

Я понимаю и во многом разделяю оценки, позицию Виктора Петровича. Но ведь что коллективизации предшествовало, мы же помним. Нельзя о ней говорить, судить, не беря во внимание предшествующие годы. Впрочем, здесь я иду Вашим следом. Осталось только повторить: «Если бы он прочитал в книге «Об отце» главу «О культе».

Видимо, путаным у меня получилось это письмо. Вы уж, глубокоуважаемый Валентин Яковлевич, на меня не сердитесь за многословие и неясность мысли. Но как хорошо эти две работы — о Толстом и Шолохове — будут смотреться на страницах «Вертикали». Просто наслаждение для читателей.

Отдельно хочу поблагодарить Вас за юбилейное приветствие журнала. Замечательное приветствие! Обязательно его зачитаю на нашем вечере. Вы абсолютно точно диагностировали и наш путь, и наши задачи, и наши устремления.

Спасибо Вам огромное за доброе слово.

Искренне Ваш

Валерий Сдобняков

13 февраля 2011 г.

г. Нижний Новгород

Дорогой Валерий Викторович!

Думаю, что в нашем восприятии Гражданской и «Тихого Дона» как бесконечной дали, сыграло свою роль и то, что сами советские поэты и писатели той поры как-то незаметно мифологизировали опыт тех лет. «И мальчишки иных веков, наверно, будут плакать ночью о времени большевиков». И «комиссары в пыльных шлемах», и Фадеевский Левинсон, и Б.Пильняк с его Фрунзе и Вс. Иванов и «Оптимистическая». Реальность поднялась и отлетела. Жизнь подменилась вочеловеченной идеей.

Ну а теперь мы вместо того, чтобы взглядеться в реальность, выкинули её вместе с мифологией и разорвали бедное историческое тело нашей памяти. Вот и мучаемся. И по поводу «Поднятой целины» Вы правы. Я тоже думаю о неизбежности и закономерности происшедшего, но тут уж, как и в вопросе о жёстких чистках и лагерях долго будет не до истины. Раненое сердце болит личной болью и не может оправдать её историей. Тем более, когда это сердце подогревают умные новые идеологи от беспамятства.

Виктор Петрович уже не мог простить случившегося, потому что это обернулось его детдомом — какая уж тут объективность? И у большинства в домашней истории так. И вот домашняя-то никак не сойдётся с государственной, а мы вместо того, чтобы во имя живого и не безумного настоящего, что-то в домашнем и потеснить для государственного, только ожесточаемся и продолжаем рвать русское сердце.

Спасибо Вам за добрые слова.

Сердечно Ваш В.Курбатов

14 февраля 2011 г.

Дорогой Валентин Яковлевич!

Ну, конечно, Вы правы. В нашей жизни преобладает именно домашнее. В этом корень многих наших и теперешних настроений. Любит русский человек вспоминать прошлые общественные грехи (а, может быть, и не только русский, может и всякой другой национальности — не знаю) и тем самым всё дальше и дальше уходит от своей истинной истории, от своего собственного, Богом данного, восприятия национальной жизни. Ведь теперь чтобы к этому восприятию, пониманию даже только сознанием пробраться — это же какие завалы хаоса, раздражения, озлобленности и лжи надо преодолеть. А если попытаться к этой чистой истине прикоснуться духом? Кажется и вовсе невозможно.

Вот это и есть самое больное — понимания потери, если перевести на технический термин, эталона нашего национального существования. Того, ради чего Господом и были созданы разные национальности, культуры, языки. Но отверни человека от этого главного, заставь жить только сегодняшними заботами, болеть нынешними обидами, уберечь из его сознания ощущения прошедшего тысячелетия — и в миг осознаешь, как страшная гибельная бездна разинула свой зев, чтобы поглотить обеспамятовавших. Упаси нас Бог от этого!

Иногда кажется, что всё — мы прошли какую-то мистическую точку невозврата. Но происходит нечто — встреча с какими-то людьми, прочитаешь какую-то статью или книгу и вдруг понимаешь — нет, у нас ещё есть будущее. Ещё не всё потеряно, не всё растрчено в погоне за какой-то неведомой, призрачной справедливостью. Справедливостью здесь и сейчас. Немедленной справедливостью. И в том, что её нет, виновен не я (я-то замечателен, владею знанием истины), а вон те — Ивановы, Петровы, Сидоровы. Нам бы только их «сковырнуть» (а лучше уничтожить) и тогда... А что тогда? Бесконечная гражданская война (как же мудро это заметил Шолохов!) и больше ничего.

Кровь и смерть.

И всё-таки, что-то держит нас на краю. (Кажется, что уж прямо на самом краю — следующий шаг может быть роковым.) Видимо, вот это что-то, этот высший промысел о русском народе вопреки всему позволяет нам сберечь свою культуру.

Вера и культура — вот те национальные основы, что не дают погибнуть нации. И всё таки они как ржавчина изъедены взаимным недоверием, раздражением (не потому ли мы сколько наших людей теряем в автомобильных катастрофах, столько их самостоятельно уходит из жизни), что нет уверенности у меня, будто смогут они удержать нацию в момент возникновения новой смуты. А приближение её ощущается всё жарче, всё опасней. Как-то надо удержаться, не ввязаться в неё. Для этого надо всё больше обращаться к русскому духу, здесь корчевать

пеньки и поднимать пашни. Тогда только и прорастёт в нас что-то доброе, обнадёживающее.

Спасибо Вам, Валентин Яковлевич, что вывели на эти размышления. С самыми искренними и добрыми пожеланиями
Ваш Валерий Сдобняков
15 февраля 2011 г.
г. Нижний Новгород

Дорогой Валерий Викторович!

Пришла книга Виктора Петровича. Завтра готов отослать. Точно ли у меня записан адрес: 603105, Нижний Новгород, ул. Ванеева, 18.
Ваш В. Курбатов
15 февраля 2011 г.

Дорогой Валентин Яковлевич!

Адрес у Вас записан правильный.
Спасибо огромное за книгу. Неловко, что доставил Вам столько лишних хлопот.

А письмо это (Предыдущее — В.С.) написал вчера вечером. Сегодня засомневался — отправлять ли? Но уж коли написал... Не судите строго за порыв.

Ещё раз спасибо за всё.
Ваш Валерий Сдобняков
16 февраля 2011 г.

Дорогой Валентин Яковлевич!

Получил присланную Вами книгу. Ещё 22 февраля, да вот ответить и поблагодарить за столь драгоценный подарок выдалась возможность только сейчас.

Ещё раз огромное спасибо!!!

Как получил, так и читал её не отрываясь (только хлопоты по юбилею отвлекали) все праздники. Единственное исключение — просмотр фильма о Вашем литературном вечере.

Многоноcko я наставил карандашных галочек на полях. (Осторожно. Книга-то издана — просто чудо! В руки берёшь с душевным трепетом.) А ведь дошёл только до 1970-х годов. Вся буря впереди.

Как же я высоко ценил (и ценю) творчество Виктора Петровича, с какой глубокой симпатией относился к Астафьеву, как к искреннему и честному человеку. Теперь же просто покорён им. Предчувствовал, что испытаю эти чувства. Потому, видимо, и искал книгу Вашей с Астафьевым переписки.

Не буду повторяться, но с суждениями В.П. о том, что раз мне было тяжело, значит и во всей стране было так же плохо, мне спорить совсем не хочется. Слишком велика человеческая правда Астафьева.

Ещё раз спасибо Вам за книгу.

Сегодня вечером опять буду «разговаривать» с В.П. Опять он будет безжалостно бередить мою совесть, мою душу. И Вы в своём напутствии перед чтением этой книги совершенно правы.

Искренне Ваш Валерий Сдобняков.
24 февраля 2011 г.

(От автора. В присланную книгу В.Я. Курбатов вложил листок блокнотной бумаги, на котором стремительным, спешащим почерком написал: *«Псков. 16 февраля 2011. Какое же вам предстоит чтение, Валерий Викторович! Сколько счастья, смущения, досады, восхищения, раздражения. Зато это жизнь, а не нынешнее притворство, когда с виду всё будто живое, а на деле ветер и пустота. В приложение примите диск моего литературного вечера в Иркутске, который мы провели с издателем «Нет мне ответа. Ваш В. Курбатов».*)

Дорогой Валентин Яковлевич!

Вот и дочитал я том писем Виктора Петровича Астафьева. И подумал — Господи, как же непостижимо трагична жизнь человеческая.

Пока читал письма, то удивлялся многой схожести в оценках Астафьева и моих. Лишь в литературно-личностных я не всегда с ним соглашался. Но это, видимо, от того, что многого не знаю — подспудного, скрытого. И уж совсем я не нашёл (ни в одном письме!) объяснения той негативной оценки большевикско-КПССэсовского периода в истории России, кроме той, которую и все мы испытываем. Но ведь не столь яростно мы к ней относимся. Пытаемся и тут быть объективными.

Издевательства тюремщиков. Так это племя во все времена жило и живёт одними принципами, по одним законам. Социальное неравенство и даже угнетение. А при каком строе его нет. (Тут можно рассуждать и примеры приводить до бесконечности.) Надругательство над природой (экологические проблемы). Так у всего человечества в этом вопросе одна самоубийственная политика.

Личные-то обиды я всё-таки отверг — слишком мелко для Астафьева. Так я подумал.

И только дочитывая книгу, понял. Наделённый Господом огромным писательским талантом Виктор Петрович мучился общим несовершенством человека и окружающего его мира. Оттого столько боли и мук душевных ему пришлось пережить. А коммунисты — это просто первые, кто ещё в детстве попал ему «под горячую руку». Так мне показалось.

Ещё раз кланяюсь Вам за такой бесценный подарок. Интуитивно я её искал (вашу переписку с Астафьевым, тогда ещё не зная о существовании этого тома) и, как оказалось, не зря. Книга многое мне открыла. Я знаю — ещё не раз буду к ней возвращаться.

А приветствие Ваше журналу на нашем вечере (который превзошёл все ожидания — зал был полон, люди стояли вдоль стен, как в былые литературные вечера) я зачитал с радостью и гордостью.

Искренне Ваш Валерий Сдобняков.

Нижний Новгород

21 марта 2011 года.

Дорогой Валентин Яковлевич!

Христос Воскресе!

В очередной раз пересмотрел фильм о Вашем вечере в Иркутске. Как всё-таки замечательно Вы рассказали о Гейченко.

Вот под влиянием фильма и осмелился послать Вам эту книгу.

Мечтаю (понимая, что почти несбыточно) записать и с Вами беседу о главных персонах (о влиянии их творчества на русскую культуру) русской литературы 70-80-х годов (Астафьев, Белов, Распутин, Носов...) Уж простите мне такую дерзость.

Искренне Ваш

Валерий Сдобняков

5 мая 2011 г.

Спасибо, дорогой Валерий Викторович!

«Возвращение» получил. Тут бы и сесть за чтение, да вот бегу сначала в Изборск, а там в Михайловское, а там в Иркутск — беспокойные вышли весна и начало лета. А силы-то уже и не те. Это я прежде мог быть в нескольких местах одновременно, а теперь и в одно долго собираюсь. И везде надо ума напасть, потому что везде умствовать надо. Писать-то и некогда — скоро буквы забуду. Простите.

Благодарю Вас за память, за книгу.

Ваш В. Курбатов

15 мая 2011 г.

Дорогой Валентин Яковлевич!

Очень добрые отклики я услышал по поводу Ваших работ, опубликованных в «Вертикали». Оказывается, что многие думающие и читающие люди с содержанием их были незнакомы. Вот что значит разорванное в клочья культурное пространство страны. И в связи с этим я подумал — а не возникнет ли у Вас желание дать нам для публикации ещё что-то. Я ведь тоже далеко не за всем уследить могу. Хотя и стараюсь.

Вот Сергей Чепров сообщил о Вашей книге «Подорожник». Расхваливает. А где найти? Опять набираюсь наглости просить у Вас. Понимаю, что доставляю Вам этим всякого неудобства. Но уж очень хочется прочитать.

С неизменным и глубоким уважением.

Ваш Валерий Сдобняков

17 октября 2011 г.

Дорогой Валерий Викторович!

А я адрес-то Ваш почтовый и потерял, если найду возможность послать «Подорожник». У меня их где-то полтора-два есть. Книжка давняя и её охотно разобрали. Я и сам радуюсь ей и жалею, что она больше не повторится. Хотя издававший её Геннадий Сапронов ждал второго тома — благо видел, что автографы продолжают сбегаться.

Что до текста для журнала, то мне особенно дорог вот этот, ушедший в предисловия одного из провинциальных издательств и пропавший там.

Сгодится — буду рад.

Сердечно Ваш В. Курбатов

18 сентября 2011 г.

Дорогой Валентин Яковлевич!

Всё получил, спасибо. Статья замечательная. Перечитал её с великим удовольствием. Поставлю в ближайший номер.

С искренней благодарностью, что откликнулись на мою просьбу

Ваш Валерий Сдобняков

19 октября 2011 г.

Дорогой Валентин Яковлевич!

Книгу Вашу получил — спасибо большое! Просто праздник души Вы мне устроили. Такое изящное издание. Тут же принялся читать в предчувствии радостного погружения в мир настоящей литературной жизни.

Вы правы — сейчас всё как-то помельчало, осуетилось. Даже и не верится, что когда-то было иначе. Слава Богу, что я ещё кое-что застал в том времени. Сейчас издаю свой подорожник. Хочется оставить память о тех настоящих людях.

Ещё раз спасибо.

Искренне Ваш Валерий Сдобняков

3 ноября 2011 г.

Дорогой Валентин Яковлевич!

Сдал в производство номер «Вертикали» с Вашей статьёй о Платонове. Это вторая публикация под Вашей рубрикой (у Вас позаимствовал) «Пора перечитывать». Тут же приступаю к следующему номеру — задолжал подписчикам. Теперь гоню!!!

И вот подумал — не согласитесь ли Вы продолжить эту рубрику. В «Подорожнике» прочитал, что Вы готовили вступительную статью к иркутскому 2-томнику Вампилова. (Я его не видел.) Так, может быть, её? Или любую другую работу на Ваше усмотрение? Современному читателю ещё много чего надо перечитать.

С неизменным и глубоким уважением

Ваш Валерий Сдобняков

Если моя настойчивость Вам как-то не по душе — простите великодушно. В.С.

16 ноября 2011 г.

Дорогой Валерий Викторович!

Я охотно продолжу «Пора перечитывать», но только, боюсь, что читатель потом укорит не меня, а журнал, за то, что «перечитывающий старик» осмеливается поднимать руку на то, что уже не пошатнёшь.

Вот — не угодно ли: про бунинские «Тёмные аллеи».

Не подойдёт, не смущайтесь. Я уж наслушался ворчанья. Поищу другое, хотя эту работу мне жалко.

Ваш В. Курбатов

16 ноября 2011 г.

Дорогой Валерий Викторович!

Посылаю Вам материал о Бунине, но получили ли Вы его — Бог весть. Или он оказался уж очень некстати и Вы не знаете, как мне поделкатнее ответить. А вот об этом думать не надо. Мы, слава Богу, профессионалы понимаем, что не всякое лыко бывает в строку. Нет, мол, и всё.

Ваш В. Курбатов

26 ноября 2011 г.

Дорогой Валентин Яковлевич!

Ваши работы неизменно заставляют на себя обращать внимание вдумчивого читателя. Ленивый да не утруждающий себя анализом их читать, может быть, и не будет. Он лучше возьмёт что-нибудь лёгенькое и удобненькое в жёлтой обложке.

Мне всегда внутренне жаль, когда устоявшиеся оценки мешают услышать новое мнение о давно известных произведениях. Мнение толковое, обдуманное, доказательное (такое, например, как Ваше), способное расширить и наше восприятие давно известных произведений. Я энергии такого мнения всегда иду навстречу с чувством ожидания...

Вы в своей статье о «Тёмных аллеях» Бунина сумели совершенно иначе взглянуть на классику. Знаю — Вы совершенно не нуждаетесь в комплиментах (Ваш взгляд на литературу качественен и Вы сами лучше многих других понимаете это), но статья «Блаженство и отравка» замечательна! Почту за большую честь опубликовать её на страницах «Вертикали».

Ваш Валерий Сдобняков

Дорогой Валентин Яковлевич!

Это письмо не ушло раньше по недоразумению. Я был уверен, что отправил Вам его. Потому спокойно уехал в Саров. Приношу свои извинения и надеюсь на Ваше великодушие. В.С.

28 ноября 2011 г.

Ну, вот поощрили, Валерий Викторович, так я разохотился!

И вот ещё про лесковского «Левшу» сочинил. Пусть будет в запасе. Вдруг пригодится. А коли уж очень дерзок, так в шею его — и весь разговор.

Ваш В. Курбатов

4 декабря 2011 г.

Дорогой Валентин Яковлевич!

Это замечательно, что Вы «разохотились». Дерзость же Ваша так любя моему сердцу, что вместо раздражения и озлобления вызывает в нём чувство радости.

В сегодняшнем мире (усреднённого во всём — от быта до искусства) так ценно самостоятельное мышление, что «веет от него» каким-то иным веком — то ли девятнадцатым, то ли началом бунтарского двадцатого.

Каюсь — давненько не перечитывал «Левшу». Но Вы же вон что в нём усмотрели. Но тем-то русская литература и отличается, что «всегда сбывается». И всё наш крик вроде бы в никуда.

Но не кричать мы не можем. В этом наше горе... Хотя, может быть, потому ещё и живы.

Нельзя Вашу статью «Вероятия в сторону» откладывать на потом. Нужно её печатать вместе с бунинской.

Если не возражаете, то я так и сделаю.

Ваш Валерий Сдобняков

5 декабря 2011 г.

Дорогой Валерий Викторович!

Получил, получил Вашу книгу, да был нездоров. Не смог сразу ответить. Зато поглядел с радостью и на своих старых знакомцев Астафьева, Шуртакова, Клыкова, Распутина, и про новых узнал — Костина, Проймина, Кумакшева...

Счастливого это дело — воспоминания, даже когда печально, потому что «как много любимых покинуло свет, но с ними беседешь ты, как бывало...»

Память — это наша благодарная молитва о них и, кто знает, меньше ли она значима, чем поминание батюшкой за проскомидией. А многих батюшки-то и не поминают — не посылаем мы записок о своих ушедших товарищах. А вот сами хоть так помолимся.

Спасибо.

А вчера получил и «Вертикаль» и уже прочитал Дионисио Гарсию.

Заглянул на минуту, да и не оторвался. Замечательные портреты Беллы, отца Александра Меня, Глазунова. Нам иногда не хватает этого «испанского бесстрашия» в портретах друзей и знакомцев, а между тем, они только в таком «бесстрашном» переводе и важны читателю и дороги Богу.

Пока ещё только выбираюсь из болезни, но, слава Богу, выбираюсь. Сердечно поздравляю Вас с Новым годом и новой возможностью поблагодарить Бога за свет и чудо жизни.

Обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов

28 декабря 2011 г.

Дорогой Валентин Яковлевич!

С запозданием отвечаю на Ваше письмо. (Условия моей работы таковы, что с конца декабря до сего дня я не имел доступа к эл. почте.)

Последние Ваши материалы я уже сдал на макетирование. Надеюсь (если Бог даст и «Вертикаль» продолжит выходить), что Вы и в этом году продолжите в журнале свою рубрику «Пора перечитывать». Причём заранее оговариваюсь — в полной свободе Ваших взглядов, представлений, эмоций относительно классики — хоть русской, хоть зарубежной.

Ещё раз со всеми Вас светлыми праздниками.

Ваш Валерий Сдобняков

7 января 2012 г.

Дорогой Валентин Яковлевич!

Послал Вам новый номер «Вертикали» с Вашими «перечитываниями». И уже с нетерпением жду продолжение рубрики. Работа над следующим номером в полном разгаре.

К сожалению, у меня заменили эл. адрес. Теперь отсылать нужно на новый.

С нетерпением буду ждать от Вас весточки.

Обнимаю Вас по-братски.

Ваш Валерий Сдобняков.

4 апреля 2012 г.

Дорогой Валерий Викторович!

Спасибо за публикацию. Журнал ещё не получил, но, Бог даст, не потеряется.

А пока вот предлагаю ещё вот такую странную книжку пересмотреть.

Она выходила когда-то в Лит наследстве, ещё в 1937 году, и переиздавалась в Петербурге уже в 2007-м.

Не подойдёт — беда небольшая.

С благодарностью.

Ваш В. Курбатов.

5 апреля 2012 г.

Дорогой Валентин Яковлевич!

Извините, что не сразу ответил на Ваше письмо. Был в столице. Статью Вашу прочитал с огромным интересом. Актуальна она сейчас — как никогда!

Уверен, что несогласных с Вашей точкой зрения будет много. Но бояться этого, конечно же, нечего.

О проблемах Церкви разговор не только назрел, но и перезрел.

Ставлю Вашу статью в номер.

Обнимаю Вас и за мудрость суждения, и за смелость.

Ваш Валерий Сдобняков.

16 апреля 2012 г.

Дорогой Валентин Яковлевич!

Вот и опять я Вам сообщаю, что свежий номер «Вертикали» отправлен в славный город Псков на Ваш адрес.

Мы же с нетерпением ждём от Вас новой статьи. К хорошему так быстро привыкаешь, что и мысли не хочется допускать — вдруг это хорошее закончится.

С надеждой, искренне Ваш

Валерий Сдобняков.

13 июня 2012 г.

Дорогой Валентин Яковлевич!

Вышел очередной номер «Вертикали», но без Вашего материала. Вы так ничего в него и не прислали, а я со всеми переездами редакции в другое помещение и со сменой нашей эл. почты не надоедал Вам своими просьбами. Но так для меня сиротливо выглядит журнал без Ваших раздумий.

Надеюсь, что я ничего не сделал такого в отношении Вас, что бы могло Вас обидеть. Это — не дай Бог! Слишком с глубоким уважением я к Вам отношусь.

Теперь работаю над содержанием следующего номера. Если возможно — пришлите в него что-то. Очень буду ждать.

Искренне Ваш Валерий Сдобняков

12 ноября 2012 г.

А что если попробовать вот это? Вспомнил о годовщине кончины Виктора Петровича.

Да вот поздно. «Ложка к обеду» не поспевает.

Но почему нужно непременно отгораживаться годовщинами. Как будто вне её сказанное уже не имеет значения и память наша не в памяти.

Ваш В.Курбатов

13 ноября 2012 г.

Спасибо, дорогой Валентин Яковлевич!

Статья замечательная. Да других Вы и не пишете. Ведь сами заметили: «В правде мизинец уступи — и нет русского художника». Только глубинно любя Виктора Петровича можно было написать такую статью. Да так умно, проникновенно, многое объясняющую в творчестве этого великого русского писателя.

Во всяком случае, для меня.

Ещё раз спасибо за такие слова, посвящённые Астафьеву.
Но места она в журнале займёт мало. Поэтому можно ещё что-то при-
слать.

Это я под впечатлением от прочитанного!
С искренним уважением и благодарностью.
Ваш Валерий Сдобняков
14 ноября 2012 г.

Уважаемый Валентин Яковлевич!

Поздравляю Вас с Рождеством и Новым годом. Пусть 2013 будет мирным и творчески плодотворным. Вчера получил в типографии № 38 «Вертикали» (не успели печатники до 31 декабря), перечитал Вашу статью «Пока живёт, и мы живы...» и вновь, каким-то отражённым светом, через Вас прочувствовал всю мощь и творчества Астафьева, и его незаурядной жизни. Я и сам помню, как сердце заходило от горечи, глубинного трагизма жизни передаваемого Виктором Петровичем в своих книгах. Повторю Вам свою благодарность за эту статью. Журнал вышлю в ближайшее время.

Теперь уже в работе 39-й номер. Я боюсь быть надоедливym, привязчивым. Но если Вы сочтёте возможным что-то дать в него — буду рад. Рубрика «Пора перечитывать» (тут я повторяюсь) только Ваша. Распоряжайтесь ею по своему усмотрению.

С самыми добрыми и искренними пожеланиями добра, здоровья всем Вашим близким и родным.

Ваш Валерий Сдобняков
6 января 2013 г.

Дорогой Валентин Яковлевич!

Так соскучился по Вашим работам.

Вот готовлю сейчас очередной номер «Вертикали», составляю план публикаций и невольно горько вздыхаю — опять Ваша рубрика «Пора перечитывать» остаётся незаполненной. И хоть понимаю — нет у меня никакого права обращаться к Вам с просьбами. А вот ведь не выдерживаю (хоть и корю себя, стыжу — ну что ты мешаешь работать нашему замечательному критику). Обращаюсь — нет ли каких заметок, статьи, впечатления для публикации у нас?

Слезу за Вашими публикациями в других изданиях, и горюю — нам-то нет ничего... А как бы хотелось Вашего доброго внимания.

Как и прежде остаюсь Вашим преданным читателем и почитателем.
Ваш Валерий Сдобняков

6 ноября 2013 г
Нижний Новгород

Дорогой Валерий Викторович!

Может быть, это и странно, что я предлагаю — не вчерашний ли день? Но вот для меня отчего-то не вчерашний. Да все чаще и думаешь, что единственный по-настоящему сегодняшний день — это день вчерашний, а нынешний уже только беспамятный сон.

Простите.

С благодарностью Ваш В.Курбатов
6 ноября 2013 г

Дорогой Валентин Яковлевич!

Прочитал о переписке Астафьева с Воробьёвым. Как же Вы много открываете в понимании творчества и жизни этих замечательных писателей. Трагические судьбы.

И такое впечатление, что иначе в России и быть не может.

Книга «Нет мне ответа...» (Вами присланная, за что и не перестаю благодарить, как только беру её со стеллажа — а происходит это часто) меня

просто потрясла. Сколько же всего скрыто за внешне благополучными (на моём веку, в моё время конца 70-х и начала 80-х) писательскими судьбами. Это я отношу к Астафьеву.

Но и не это даже самое главное.

Только там, в письмах, открывается истинная человеческая сущность Виктора Петровича. Понимаю, в книге собраны далеко не все письма (мне кажется, что я Вам об этом писал, ссылаясь на Потанина), но не думаю, чтобы открывшееся дополнение как-то изменило то главное впечатление, что уже вселилось в моё сердце. Да и не вдруг это было. Порывался и сам как-то написать об этом томе, да разве возможно объять необъятное. Думал дать какие-то выдержки (на подобии конспекта)... Не знаю, не знаю, как и подступиться. Но теперь на сердце легче — есть Ваша статья.

С поклоном и благодарностью Ваш Валерий Сдобняков
7 ноября 2013 г

Дорогой Валентин Яковлевич!

Обе статьи ставлю в номер. Книгу Теракопяна не читал, но с вашими размышлениями общего порядка полностью согласен. Вернее — с выводами, констатирующими итог того, что стало со страной и её литературой после тех преобразований, к которым (увы!) призывали, в которых (опять же) участвовали, в том числе и герои книги «Между исповедью и проповедью». Я понимаю, сейчас можно говорить, что они совсем другого — идеального, светлого, чистого. Но всё это идеальное и не могло наступить (я и тогда это прекрасно понимал), потому что внедрялось без любви, а с раздражением, обидой, злобой и... — чего уж теперь-то кривить душой — ненавистью к русским, к России, желанием национальных реваншей.

Теперь многие жалеют о потерянном (ведь не все же смогли, как Рыбаков, уехать в США), вдруг осознали, что их литературы никому не нужны. Возмущаются, почему их в России не переводят, не издают, не пропагандируют, мало награждают... Опять во всём мы виноваты. И не думают. Не хотят думать — вот и получили то, чего заслужили, к чему последовательно и неуклонно шли с конца 80-х и до начала 90-х годов.

С неизменным глубоким уважением

Ваш Валерий Сдобняков

10 ноября 2013 г

Спасибо, дорогой Валерий Викторович!

Уже ни до кого в мире не дозовешься, но все хочется обмануть себя: ведь вот раз кричит человек, значит, надеется быть услышанным, иначе, зачем кричит.

И спасибо. Что и журнал вот кричит, значит, тоже надеется...

Обнимаю Вас.

С благодарностью Ваш В.Курбатов

10 ноября 2013 г

Спасибо, дорогой Валерий Викторович!

Журнал получил и уж вовсю читаю Володю Крупина про его путешествие с Куняевым и радуюсь их молодости, озорству и свободе.

И за мои публикации спасибо. Я все продолжаю “перечитывать” старые книги, но уж на этот раз и совсем старые и богословские, потому что давно уж состою церковным чтецом — читаю на всенощных канонах, а на Литургии Апостол — ну, и подкрепляюсь чтением умных книжек, чтобы получше понимать “предмет”.

Вот одно из таких “перечитываний” и посылаю. Поглядите. Коли мудрено, так и отставьте. А коли ничего, так и буду рад.

С благодарностью Ваш В.Курбатов

1 марта 2014 г.

Дорогой Валентин Яковлевич!

Простите, что отвечаю только сейчас. Пропустили оплату интернета, и вот только сегодня подключили. Очень Вам благодарен за новую статью. Все Ваши статьи являются украшением, если так можно говорить, нашего журнала. Они дают пищу уму, заставляют думать, спорить, сопереживать. Как я и раньше говорил — это только Ваша рубрика, площадка для свободного высказывания о прочитанном и передуманном. Что касается меня, то я от чтения Ваших статей получаю огромное удовольствие. Они заставляют иначе работать мозги, по-другому чувствовать происходящее вокруг. Это большая радость — представлять другим возможность познакомиться с ними. Конечно, в следующий номер всё пойдёт без всякой задержки. Да и больше опубликуем, если пришлёт.

С искренним и глубоким уважением

Ваш Валерий Сдобняков

3 марта 2014 г.

Дорогой Валентин Яковлевич!

От всего сердца поздравляю Вас с Днём Победы!

В этом году русский мир действительно воспрял духом, вспомнил о своём величии после стольких лет унижений и предательств. Конечно, и это скоро пройдёт, другие заботы одолеют, но то, что случилось с Крымом — это уже наша история. А, может быть, и судьбоносное событие. Украина сейчас много в себе культивирует антирусского. И так, я помню ещё по службе в Советской Армии в 1975-77 годах, было всегда. Но ведь у части населения появилось и стремление возврата в русский мир. Видимо, пройдена какая-то критическая точка отторжения, разединения.

Был в Москве, взял журнал «Литературная учёба» (№ 2, 2014 г.) целиком посвящённый Астафьеву. И вот два дня читал. Открывается журнал Вашей статьёй, потому уверен, что Вы этот номер видели. Там ещё на редакционную анкету отвечают и те люди, которым совершенно нечего сказать, и настоящие, глубокие писатели. Но главное впечатление, конечно же, не от этого. Мучаюсь вопросом (да и не в первый раз) — а надо ли было говорить всё то больное о своём народе, что так безжалостно сказал (как раскалённым прутом раны растревожил) в своих произведениях Виктор Петрович? Да, то саднило в нас, раздражало, мучило (и его самого, как плоть от плоти своего народа), но на добро ли это было сделано? В помощь ли это нашему народу, в исправление ли? У нас и так, без Астафьева, столько недоброжелателей, которые травят нас своими утверждениями в нашей неполноценности (что мы народ дикий, варварский, неполноценный, пьяный и грубый), как злыми псами вот уже множество веков подряд. И ведь всегда ссылаются на мнения и высказывания наших же духовных авторитетов, русских гениев. В итоге получается — мы и сами себя мордуем, и другим даём повод, помогаем им нас мордовать. На пользу ли всё это русскому народу, нашей истории, нашей государственности?

Не могу похвастаться своей высокой образованностью, но, насколько мне позволяет судить моя скудная начитанность, я мало могу припомнить подобного обращения к своей истории предков и великих людей других стран — как Запада, так и Востока. Не потому ли, что у них больше чем у нас срабатывает чувство самосохранения? Ну не оплёвывают они так свою историю (да ещё с кипящей в сердце ненавистью), не шлют проклятий тому народу, из которого сами вышли, так, как на протяжении столетий делаем мы. Тут можно взять для примера историю последней Великой войны. Что немцы творили на нашей земле — страшно пересказывать. Но разве немецкие писатели муссируют эту тему так, как это делают наши лучшие писатели, с упоением описывающие беды и преступления своей армии? И не тут ли следует икать

корни того удивительного факта, что Германия за злодеяния во второй мировой войне принесла извинения всем народам, кроме русских? И действительно — чего извиняться перед варварами и недочеловеками? И вот дожили до того, что внутри нашей страны либералы еврейской национальности сравнивают наши войска с фашистскими эсэсовскими отрядами. Уж им ли не ведать разницы? Однако — говорят, утверждают с полной убеждённостью. В самой Германии говорят о бесчинствах русских оккупантов, не вспоминая при этом своих «геройств» на нашей территории. И вновь мы им вторим — да, мы такие, мы злодеи. Но не ведёт ли такое наше самоуничтожение, самобичевание мир к тому, что в нём окончательно будут потеряны истинные ориентиры в понимании добра и зла, правды и лжи, совести и бесчестия? Не подталкиваем ли мы сами такой нашей позицией мир к нравственной, а следом и физической, гибели?

Извините, дорогой Валентин Яковлевич. Расписался, вовремя не остановился. А всё Украина со своей зашкаливающей все разумные пределы ненавистью к русским. И мне кажется — это всё плоды «нашей работы», мы сами больше, чем кто либо, приложили сил к культивированию подобного отношения к нам. События в Одессе показали, до какого ужаса всё может доходить.

И всё-таки — с Днём Победы!

Искренне Ваш Валерий Сдобняков

6 мая 2014 г.

Дорогой Валерий Викторович!

Спасибо за обстоятельное горькое письмо о Викторе Петровиче.

Не ответил вовремя, потому что как раз ездил в Красноярск на день его рождения.

И там без жесткого разговора не обошлось. И мне очень перепадало.

Как до этого в “Лит.России”, в “Завтра”. Ишь защищает он...

А тут просто другое качество времени. И другой взгляд. Прочитайте последние страницы “Войны и мира” — они на нынешний взгляд безумны, но они дословно астафьевские — через годы после окончания войны (но только после окончания) солдаты глядят на минувшее иначе. Я пытался сказать об этом в предисловии к “Проклятым и убитым” в издательстве ЭКСМО в 2003 году, но это должны делать солдаты, а не наш брат. Слабый отголосок тогдашней аргументации сохранился и вот в этом, найденном мной в своем архиве тексте.

Поглядите. Хотя, конечно, всякое русское слово должно звучать в свой единственный час, потому что через полчаса оно будет неуместно — так складывается наша торопливая история.

С благодарностью Ваш В.Курбатов

11 мая 2014 г.

Дрогой Валентин Яковлевич!

Писал Вам письмо без всякой особой надежды на ответ. Просто Украина, чтение журнала, моя любовь к одному из лучших (боюсь категоричности, хотя и думаю, что Астафьев один из лучших русских писателей вообще в нашей литературной истории) — всё совпало! И написал Вам, потому что Ваши статьи, Ваш серьёзный объективный взгляд на литературный процесс вообще, и на творчество Виктора Астафьева в частности мне близки и дороги. Вы абсолютно правы — художник оценивает прожитое и увиденное так, как ему Бог положил в сердце. И это необходимо для нас, раз было до нас донесено. И горечь моя не в осуждении, а в желании разобраться — можно ли было без этих оценок обойтись.

Вы мне присылали том писем Астафьева. Ведь это чистейший человек, хоть и со всеми своими «заморочками». Вашу статью ещё не прочитал, но сразу говорю — ставлю её в номер, который сейчас сдаю в типографию. Часа через два прочитаю. А насчёт защиты... Кто же защитит

(особенно память), если не друг и не другой талантливый, самостоятель-
но мыслящий, честный человек.

Крепко Вас обнимаю.
Ваш Валерий Сдобняков
12 мая 2014 г.

Дорогой Валентин Яковлевич!

«Отметки на косяке» я тоже где-то уже читал. Только так и не вспом-
нил где. Да это и не столь важно. Потому что со всеми Вашими выво-
дами я согласен. Когда Вы говорите о том, как «раскидисто» мы корим
себя, то я подумал — это уж вечная наша национальная черта. Чем не-
други и пользуются — когда сознательно, когда по недомыслию. Ну, это
всё опять возвращает к прошлому разговору.

На этой неделе номер с Вашими статьями должен уйти в производство.
С благодарностью
Ваш Валерий Сдобняков
13 мая 2014 г.

Дорогой Валерий Викторович!

Я ведь посылал заметку не для печати, а только для изложения своей
точки зрения, так что печатать её вовсе необязательно. Авось я придум-
аю что-нибудь умное и с радостью пошлю Вам.

Благодарю. Вас.
Ваш В.Курбатов
14 мая 2014 г.

Дорогой Валентин Яковлевич!

Разрешите всё-таки опубликовать Вашу статью. В контексте с про-
шлыми Вашими материалами о Викторе Петровиче она дополняет и
расширяет возможность осмысления как его творчества, так и вообще
жизненного пути. А если Вы продолжите разговор об Астафьеве — то и
мы продолжим его на страницах «Вертикали».

Очень надеюсь на Ваше согласие.

Ваш Валерий Сдобняков
14 мая 2014 г.

Конечно, если годится — на здоровье, Валерий Викторович.

А вот когда продолжу разговор и продолжу ли — Бог весть.

Ваш В.Курбатов
14 мая 2014 г.

(Вытирая ноги у порога и робко стучась):

Разрешите, Валерий Викторович?

Это Курбатов. Простите, наследил тут у Вас — что поделаешь, осень.

(Шарит в грудном кармане, достает смятые листки):

Вот, значит, чё-то тут сочинил. Будет минута — поглядите: не согдит-
ся ли хоть на растопку.

(Стараясь, не оборачиваться спиной, уходит)

До свидания.

P.S. Недавно был в Ясной, читал страничку “Войны и мира” и увидел
у одного из товарищей смешной плакат — грех не поделиться.

25 ноября 2015 г.

Всё это время редактор молча сидит за заваленным рукописями пись-
менным столом и что-то внимательно читает на мониторе компьютер.
Из окна — старинного, высокого, аркой в толстенной стене, подокон-
ник которого также завален папками с рукописями — просачивается в
кабинет серый осенний свет. Но в кабинете уютно, тепло, горят яркие
лампочки под высоким потолком, на стенах висят портреты писателей,

картины, фотографии, и посетителю не очень хочется вот так сразу, не отогревшись, не просушив с непогоды своего длинного чёрного френча, уходить опять под ветер и дождь. Он как бы невольно, случайно замешкался у двери, на шаривая рукой куда-то подевавшуюся дверную ручку.

В это время редактор отрывает свой взгляд от монитора, и несколько прищурившись, словно настраивая зрение на иной ракурс, иную резкость, вгляделся в посетителя.

— Валентин Яковлевич, — восклицает он, узнав посетителя, — вы ли это? Вот не ждали. Вернее — ждали-ждали, да уж отчаялись, потому и номер в производство сдали без вашего материала. Хотя рубрику авторскую «Пора перечитывать» так за вами и числим, никого в неё не пускаем... Да что же вы стоите, присаживайтесь на диван... вот так, поудобнее. Сейчас нас Татьяна чаем напоит.

Редактор кричит в соседний кабинет:

— Танечка, давайте чаю дорогому гостю.

Входит Татьяна — добрейший, Божий человек. Вся жизнь её — это желание кому-то помочь, услужить и послужить. И вот чай, печенье, сладости на столе. И потекла тут беседа между редактором и критиком неторопливая, неспешная. Редактор всё о новых рукописях им прочитанных, да о том — сколько замечательных, умных, равнодушных писателей ещё творят на русской земле, которых мало кто знает, вернее даже — не хотят знать. Курбатов о новых влияниях в русской литературе, модных течениях в ней, когда косноязычие и отсутствие умения выстроить сюжет произведения выдаются за новый творческий метод, а провозглашение избитых банальностей и штампов — за открытие.

Время проходит быстро. Вот уж Курбатову пора уходить. Его ждут сразу в нескольких комиссиях по присуждению литературных премий, а ещё съёмки для телевидения, выступления перед читателями — ну нет и минуточки свободной. И хоть зашёл он в кабинет редакторский вроде бы обыкновенным посетителем, но дух-то у него бунтарский, несопкойный, категоричный. Редактор это знает, и гостя удерживать не рискует. Лишь когда дверь за Валентином Яковлевичем закрывается, вздыхает, вспомнив, как летом зачитывался его книгой «Батюшки мои», как в один день более двух часов в лесу на окраине дачного посёлка читал её вслух для своего товарища, а тот всё просил продолжать да продолжать.

— Валерий Викторович, мне убрать посуду? — робко спросила заглянувшая в кабинет Татьяна.

— Рождаёт же русская земля таланты — не нам чета, — со вздохом промолвил редактор, глядя на недавно закрывшуюся дверь. Затем вернулся за свой рабочий стол и углубился в чтение принесённой рукописи.

У дивана, осторожно звякая чашками, Татьяна убирала посуду с небольшого журнального столика.

26 ноября 2015 г.

— Уберите, уберите посуду, Таня, и в другой час, как этот господин придет, не предлагайте, а то ведь он повадится. Они, эти ребята, только с виду такие скромные (наследил, де, простите), а потом не прогонишь...

Спасибо, дорогой Валерий Викторович! За включение в игру, за живое в душе озорство, хотя мир, увы, даёт все меньше поводов к любящей игре. А так бы, правда, и славно было завернуть в уютный кабинет с высокими окнами. В Пскове мне уже заглянуть некуда.

Да и в других городах — тоже. Всегда в жизни больше привязывался к старым людям — вот теперь и плачу. Они ушли один за другим. Некоторые стали улицами, некоторые мемориальными досками, кто-то даже памятником, а двое и пароходами. И не навещают даже в снах. Видать, им Там друг с другом хорошо. И не поглядят сверху — как мы тут.

Благодарю и обнимаю Вас.

Ваш В.Курбатов

27 ноября 2015 г.

Дорогой Валентин Яковлевич!

Жаль, что Ваши дороги никак не пересекаются с Нижним Новгородом. А то бы и посидели у меня, совсем недалеко от кремлёвских стен и почти на берегу Волги. Да ведь не только у Вас, а и вообще мало у кого пересекаются. Вроде бы и не далеко стоит город от столицы, но все пути мимо проходят. Тут беда наших начальников — и от культуры, и от администрации в целом. Как там раньше говорили — страшно далеки они от народа. Наши же ещё страшнее далеки от культуры.

Статью Вашу смогу опубликовать только в весеннем номере. Зимний номер этого года уже в работе. Если напишется у Вас что-то ещё для рубрики «Пора перечитывать» — присылайте.

Вы написали, что всегда дружили со старыми людьми. Вот и у меня такая же судьба. И также в окружении остаётся всё меньше и меньше талантливых, сочувствующих, бескорыстных людей. Оглядываюсь вокруг, и диву даюсь, как всё измельчало, оскудело в людях. А потом окорачиваю себя — да нет, это просто время твоё проходит. Но ведь это один разум отрезвляет, а сердце непослушно щемит, тоскует по талантности, открытости, по тем, с кем так славно было жить рядом (да просто знать, что они где-то есть), встречаться, выпивать, обсуждать главное, говорить о театре, литературе, живописи...

Потому и сейчас тянусь к вольно думающим людям. Не сразу это, с запозданием, осознаю, но Бог не оставляет, соединяет людей.

Обнимаю Вас крепко, по-братски, искренне.

Ваш Валерий Сдобняков

29 ноября 2015 г.

Еще “молчит всяка плоть человека”, но “ангелы уже поют на небеси”, призывая нас к чистоте сердца, и по двору Дивеева, по канавке Богородицы идет с батожком, сам похожий на батожок, светлый Серафим и улыбается: “Христос Воскресе, радость моя!”, потому что для него камень-то отвален от гроба еще тогда и навсегда. И навсегда “Его нет здесь, Он воскрес!”

Ах, если бы мы, бедное человечество, однажды поверили так, то камня-то и не было бы и мы бы светали лицами и никогда бы из Дивеева не делали “Арзамаса-16”. И на наши лопатки вернулись бы отпавшие крылья и мы бы только успевали обниматься и благодарить жизнь. Но, слава Богу, бескрылые еще можем похристосоваться и опять на минуту поверить в бессмертие. Новости лучше не глядеть — вот и тема военная.

Христос Воскресе, дорогой Валерий Викторович!

Ваш Валентин Курбатов. 15.4.17

15 апреля 2017 г.